

A man with long brown hair and a beard, wearing a dark, worn leather jacket over a grey shirt, stands next to a woman with long, wavy brown hair. She is wearing a brown velvet jacket over a dark patterned blouse and a long, dark red skirt. They are standing in a field with a small stream and a stone building in the background.

Пётр Фарфудинов

Семейная
сага
о
любви,
тайнах
и
возрождении
завода

18+

Пётр Фарфудинов

**Семейная сага о любви,
тайнах и возрождении завода**

«Автор»

2026

Фарфудинов П.

Семейная сага о любви, тайнах и возрождении завода /
П. Фарфудинов — «Автор», 2026

«Железо, помнящее руки» — это семейная сага, в которой переплетаются любовь, инженерный гений и древние тайны. Екатерина и Роман, познавшие друг друга спустя восемь лет молчаливого ожидания, проходят через заводские интриги, предательство, бедность и рискованные авантюры, чтобы сохранить семью и возродить родной завод в Жуковке. Их дети — Кира и Саша — наследуют не только мастерство, но и дар предков, уводящий их на Байкал, Балканы и святой Афон в поисках уникального сплава, способного изменить будущее. Испытания верности, страстные ночи и мучительные прощения, тайны старых колодцев и откровения древних монахов — всё это складывается в историю о том, что истинное богатство не в золоте, а в людях, которых мы выбираем. Семья, построенная не на крови, а на духе, становится главным артефактом, который передаётся из поколения в поколение.

© Фарфудинов П., 2026

© Автор, 2026

Пётр Фарфудинов

Семейная сага о любви, тайнах и возрождении завода

Под солнцем Жуковки

Пролог: Судьба по расписанию

Город просыпался серым и мокрым. Екатерина стояла у окна своей маленькой квартиры на пятом этаже и смотрела, как капли дождя разбиваются о стекло, оставляя за собой дорожки, похожие на следы от слез. Ей было тридцать пять. Возраст, когда женщины уже не верят в сказки, но втайне продолжают их ждать. Она развела руками, стряхивая невидимую пыль с фартука, и посмотрела на телефон. Новое сообщение.

«Привет. Может, сходим сегодня в парк? Погода обещает быть ясной к вечеру. Роман».

Она усмехнулась. Роман. Тот самый парень из велосборочного цеха, который восемь лет был для неё просто тенью, маяком в конце длинного заводского коридора. Он всегда носил синюю робу с пятнами масла на рукавах и никогда не смотрел на неё в упор. А теперь... теперь она перевела взгляд на календарь. 2026 год. Прошло три года с тех пор, как он ушел, и почти два месяца, как он вернулся. Вернулся в её жизнь, в её цех, в её дыхание.

Она не верила в любовь. После развода, оставившего в душе глубокую царапину, Екатерина закрылась от мира, как закрывают на зиму ставни. Но когда в апреле, в шумном цехе Литья и пластмасс, она услышала его голос, сказавший бригадиру: «Здравствуйте, приняли обратно», — сердце её пропустило удар.

Она посмотрела в зеркало. Карие глаза, в которых плескалась усталость, на мгновение блеснули. Она набрала: «Хорошо. Во сколько?»

И вот он ответ: «В шесть. Я заеду».

Екатерина отложила телефон и глубоко вздохнула. Завод, где они оба работали, находился на окраине города, но за ним, если пройти через старый лесопарк, начинались такие места, о которых знали только старожилы. Там была заброшенная усадьба, где среди вековых дубов и колючих кустов шиповника прятался пруд с удивительно чистой водой, похожей на расплавленное серебро. Она решила: если уж идти на свидание, то туда. Туда, где тишина говорит громче слов.

Решение, которое изменило всё

Тот вечер в Жуковке запомнился Екатерине надолго. Они сидели на кухне после полуночи, когда город уже погрузился в сон. За окном шумел ветер, гнул ветви старых яблонь, и где-то вдалеке лаяла собака. Роман держал в руках последнюю зарплатную ведомость — сумма была такой мизерной, что её не хватило бы даже на оплату коммуналки.

— Я не верю, — тихо сказал он. — Мы столько лет отдали заводу, а нас просто вышвыривают, как ненужные детали.

Екатерина подошла к нему, обняла за плечи, чувствуя, как напряжены его мышцы.

— Ром, мы не можем сидеть, сложа руки. Кира мечтает танцевать, а здесь нет ни одной приличной студии. Саша заканчивает школу, ему нужно хорошее образование. А мы с тобой... мы ещё молоды, у нас есть силы, руки и голова. Москва — это не конец, это начало.

Он повернулся к ней и посмотрел в глаза. В них горел тот самый огонь, который она видела, когда они только начинали встречаться.

— Ты права, — сказал он. — Мы уедем. Но я хочу, чтобы мы запомнили этот дом, этих людей, этот завод. Это наша история.

Они проговорили до утра, перебирая варианты: что взять, что оставить, кому сказать, кому не говорить. Решение было принято окончательно.

Последняя смена на заводе

Через неделю они вышли на работу в последний раз. Цех Литья и пластмасс гудел, как и всегда, но в воздухе висела особенная тишина. Коллеги уже знали об их решении. Кто-то завидовал, кто-то грустил, кто-то тихо восхищался смелостью.

Светлана Павловна, которая теперь стала им почти подругой, пришла с пирожками и крепким чаем.

— Голубчики мои, — сказала она, вытирая глаза платочком. — Я вас не забуду. Вы мне жизнь перевернули. Если что — звоните, пишите. А я буду молиться за вас.

Екатерина обняла её и почувствовала, как к горлу подступает ком. Светлана была той самой женщиной, которая когда-то пыталась разрушить их отношения, но потом стала их ангелом-хранителем.

На обеденном перерыве они собрались в небольшом зале. Пришли почти все — от начальника цеха до уборщицы тёти Зины. Роман поднял кружку с чаем и сказал:

— Друзья, коллеги! Мы с Катей уезжаем. Нам страшно, но мы верим, что там, в Москве, нас ждёт новая жизнь. Спасибо вам за эти годы, за вашу поддержку, за ваш труд. Мы будем помнить каждый день, проведённый здесь.

Зал загудел, раздались аплодисменты. Кто-то крикнул: «Не забывайте нас!», кто-то заплакал. Екатерина сидела, сжимая руку Романа, и смотрела на лица, которые стали ей родными за долгие восемь лет. Даже те, кто когда-то сплетничал или завидовал, сейчас были искренне благодарны.

Вечером они уходили последними. Екатерина прошлась по цеху, коснулась рукой станка, на котором работала, и прошептала:

— Спасибо, что научил меня не сдаваться.

Роман ждал её у выхода. Они вышли на улицу, и над заводом уже зажигались огни. Последний раз они видели этот проходной двор, эти ворота, эти окна, за которыми оставалась их молодость.

— Пошли, — сказал Роман. — Нас ждёт дом.

Прощальный вечер в саду

Решено было устроить прощальный вечер в их доме у пруда. Екатерина хлопотала с утра, пекла пироги, накрывала столы на террасе. Роман развесил гирлянды, зажёл свечи, поставил музыку — ту самую, под которую они танцевали на своей свадьбе.

К вечеру собрались почти все, кто был им дорог: соседи из Жуковки, старые друзья с завода, родственники, которые жили неподалёку. Приехала даже Светлана Павловна, привезя с собой коробку шоколадных конфет и бутылку хорошего вина.

Атмосфера была тёплой, но с ноткой грусти. Все знали, что это прощание. Маленькая Кира танцевала под музыку в центре поляны, а Александр, уже серьёзный парень, помогал разливать чай и следил, чтобы никто не остался без угощения.

— Катя, — сказала соседка Мария Петровна, — я не верю, что вы уезжаете. Столько лет мы были рядом, а теперь... как я без вас?

— Мария Петровна, мы будем приезжать, — ответила Екатерина. — Жуковка — наш дом. Мы его не бросаем.

Роман подошёл к импровизированной сцене — старой доске, которая служила им сценой для детских спектаклей. Он взял гитару, которую принёс кто-то из гостей, и начал петь. Он пел ту самую песню, которую когда-то написал для Екатерины:

«Ты — свет в моём окне,

Ты — тишина в огне...»

Гости подхватили, и по саду разнеслось пение. Екатерина стояла, прижав руки к груди, и смотрела на него. Он был так же красив, как в тот вечер на пляже Десногорского водохранилища, когда он впервые признался ей в любви. Только теперь в его глазах было больше седины, но и больше уверенности.

Когда стемнело, зажгли фейерверк — кто-то привёз с собой. Ракеты взлетали в небо, рассыпаясь золотыми и алыми искрами. Кира визжала от восторга, а Екатерина плакала, уткнувшись в плечо Романа.

— Кать, не плачь, — шептал он. — Мы же не умираем. Мы просто начинаем новый этап.

— Я знаю, — отвечала она. — Просто это так красиво, что больно.

Неожиданный гость

К полуночи гости начали расходиться. Уезжали кто на машинах, кто пешком, кто на велосипедах. Саша и Кира уже спали в комнате, утомлённые праздником. Екатерина с Романом сидели на террасе, допивая остывший чай и глядя на звёзды.

Тишину нарушил скрип калитки. Они обернулись — на пороге стоял незнакомый мужчина. Высокий, в тёмном плаще, с седоватой бородой и пронзительными серыми глазами. Он не был похож на случайного прохожего.

— Добрый вечер, — сказал он вежливо, но твёрдо. — Простите за поздний визит. Меня зовут Виктор Петрович. Я слышал, вы продаёте дом.

Роман насторожился, привстал.

— Мы не продаём дом, — сказал он. — Мы просто уезжаем, но дом остаётся нам.

— Я знаю, — улыбнулся мужчина. — Но я пришёл с предложением, от которого вам будет трудно отказаться. Я коллекционер, ищу старые дома с историей. Ваш дом — это особняк, который построил мой прадед. Я узнал это по старым чертежам и гербу на колодце. Я хочу выкупить его за хорошую цену, которая позволит вам купить квартиру в Москве.

Екатерина и Роман переглянулись. Они не собирались продавать дом, но сумма, которую назвал Виктор Петрович, была действительно внушительной. Больше, чем они могли заработать за несколько лет.

— Это неожиданно, — сказала Екатерина. — Мы должны подумать.

— Конечно, — ответил гость. — Я остановился в гостинице в городе. Вот моя визитка. Позвоните, когда решите. Но, прошу, не затягивайте — у меня есть и другие варианты.

Он вежливо поклонился и ушёл, исчезнув в темноте так же бесшумно, как и появился.

Роман посмотрел на визитку, потом на Екатерину.

— Что скажешь?

— Я не знаю, — честно ответила она. — Это наш дом, наша история. Но эта сумма... мы могли бы купить квартиру в Москве без ипотеки, и ещё осталось бы на образование детей.

Они сидели долго, взвешивая все за и против. С одной стороны, дом был их корнями, их памятью. С другой — это был шанс дать детям будущее, о котором они мечтали.

Наконец, под утро, Роман сказал:

— Мы продадим. Но не сразу. Мы сделаем так, чтобы дом остался в нашей памяти. Мы продадим его с условием, что он сохранит свой облик, и мы сможем приезжать сюда в гости.

Екатерина кивнула. Она знала, что это правильное решение, но сердце сжималось.

Последний рассвет в Жуковке

На следующий день они позвонили Виктору Петровичу и согласились. Он приехал в тот же вечер, они подписали предварительный договор, договорились о дате передачи ключей. Дом оставался за ними до отъезда.

Ранним утром, за день до поезда, Екатерина встала раньше всех. Она вышла в сад, который был окутан туманом, и побрела к пруду. Вода была тёмной и гладкой, как зеркало. Она села на старую скамейку, которую когда-то поставил Роман, и долго смотрела на горизонт.

— Прощай, мой дом, — прошептала она. — Я не забуду тебя.

К ней подошёл Роман, с чашкой кофе в руках.

— Ты не спишь?

— Не могу уснуть, — ответила она. — Я думаю о том, сколько счастья мы здесь пережили. Нашу первую встречу, свадьбу, рождение внуков, Байкал... Всё это здесь.

— Всё это в нас, — сказал он, садясь рядом. — Дом — это камни. А наша любовь всегда с нами.

Он обнял её, и они сидели молча, глядя, как солнце поднимается над прудом, окрашивая воду в золотой цвет. Где-то запели птицы, и ветер принёс запах мокрых листьев.

— Мы вернёмся, — сказал Роман. — Не в этот дом, но в это место. Мы построим здесь беседку, посадим новые ирисы. Будем приезжать с внуками, и рассказывать им, как всё начиналось.

Екатерина улыбнулась и прижалась к нему.

— Ты прав. Дом — это не стены. Дом — это те, кто в нём живёт.

Они встали, взялись за руки и пошли к дому, где уже просыпались дети, чтобы начать свой последний день в Жуковке.

Прощание с колодцем и ирисами

Перед самым отъездом они подошли к колодцу. Тому самому, который хранил их тайну. Екатерина опустила руку в воду и прошептала:

— Спасибо тебе, старый друг. Ты подарил нам надежду и силу. Мы никогда не забудем.

Роман положил в колодец монетку — на удачу. Они смотрели, как она тонет, и в глубине что-то засветилось зелёным светом, как тогда, на Байкале. Это был знак — благословение.

Они собрали последние вещи, закрыли двери, проверили окна. На пороге дома Екатерина остановилась и поцеловала косяк — так делала её бабушка, уезжая из дома.

— Мы ещё встретимся, — сказала она дому.

Они сели в такси, которое должно было отвезти их на вокзал. Машина тронулась, и Жуковка начала таять в зеркале заднего вида. Екатерина смотрела на знакомые улицы, на сад, на пруд, на дом, который становился всё меньше, пока не исчез за поворотом.

Роман сжал её руку.

— Всё будет хорошо, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она.

И они уехали, оставляя позади прошлое, чтобы встретить своё будущее в Москве.

Первые шаги в столице

Москва встретила их неласково. Серое утро, мелкий дождь, который, казалось, пробирал до костей, и бесконечный поток машин, гудящих, сигнализирующих, несущихся куда-то в спешке. Екатерина смотрела в окно старого трамвая, который вёз их на окраину, и чувствовала, как сердце сжимается от неизвестности.

— Мы справимся, — сказал Роман, сжимая её ладонь. — Я обещаю.

Она кивнула, но в груди всё равно было тревожно. Рядом, прижимаясь к матери, сидела маленькая Кира, которая уже успела устать от дороги. Саша, старший, молча смотрел в окно, пытаясь казаться взрослым.

Комната, которую они сняли по объявлению, оказалась именно такой, как описывали — маленькой, с ободранными обоями, старой мебелью и запахом сырости. За стеной кто-то громко храпел, на кухне гремела посуда. Но цена была смешной, и они радовались, что есть крыша над головой.

Первая ночь была тяжёлой. Они легли на раскладушку, обнявшись, чтобы согреться. Кира уснула у них в ногах на старом матрасе, а Саша — на полу на надувном матрасе. Дождь барабанил по крыше, где-то за стеной кашлял сосед. Екатерина лежала с открытыми глазами и думала: «Что мы наделали?»

Роман, словно чувствуя её состояние, притянул её ближе и прошептал:

— Кать, мы не зря сюда приехали. Завтра я найду работу. Ты увидишь.

Утро наступило серое, но в комнату пробился луч света. Роман встал рано, надел свой единственный приличный костюм, который бережно нёс в чемодане, и вышел на поиски работы. Екатерина осталась с детьми.

Она разобрала вещи, попыталась придать комнате уют, развесила вышитые салфетки, которые привезла из Жуковки, поставила на подоконник цветок в горшке — единственный, который взяла с собой. Кира помогала, перебирая свои танцевальные пачки.

— Мам, а когда мы пойдём в тот большой дом с танцами? — спросила она, пританцовывая на месте.

Екатерина обняла её и поцеловала в макушку.

— Скоро, моя хорошая. Я уже подала документы. Мы ещё немного потерпим.

Вечером Роман вернулся уставший, но с улыбкой.

— Я нашёл работу! — объявил он. — В автосервисе на юге Москвы. Платят немного, но стабильно. Завтра выхожу.

Екатерина облегчённо выдохнула и обняла его. Казалось, жизнь налаживается.

Через неделю Екатерина тоже устроилась — продавцом в небольшой магазин тканей. Работа была нелёгкой, но она радовалась даже этому. Теперь они могли сводить концы с концами, но денег всё равно не хватало. Каждый вечер они сидели за столом, считали копейки, планировали расходы. Кира ходила в обычную школу, но мечтала о кадетском училище с хореографическим уклоном. Саша учился в лицее, пытаясь подтянуть знания.

И тут случилось неожиданное.

Соблазн для Екатерины

Однажды, в конце второй недели, в магазин, где работала Екатерина, вошёл солидный мужчина в дорогом костюме. Он окинул взглядом прилавки и остановился у её отдела. Екатерина вежливо улыбнулась и спросила, чем может помочь.

— Мне нужен человек, который разбирается в тканях и шитье, — сказал он, рассматривая её с профессиональным интересом. — Я директор сети ателье. Нам требуется администратор. Вы работаете аккуратно, у вас приятная внешность, и, я вижу, вы знаете своё дело. Приходите, завтра на собеседование, я дам адрес.

Он протянул визитку. Екатерина взяла её с замиранием сердца. Зарплата, которую он назвал, была в три раза больше её нынешней. Она почувствовала, как в груди разливается тепло — вот оно, спасение!

Вечером она рассказала Роману. Он насторожился:

— Кать, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Ты его не знаешь.

— Ром, я взрослый человек, я разберусь. Это шанс для нас.

Роман не стал спорить, но в его глазах затаилась тревога.

На собеседовании всё прошло гладко. Директор, которого звали **Андрей Борисович**, оказался обходительным, даже слишком. Он пригласил её на ужин, чтобы «обсудить детали работы». Екатерина согласилась, хотя внутренний голос шептал, что это не просто деловой ужин.

В ресторане он был любезен, заказал дорогое вино, делал комплименты. К концу вечера он положил свою руку на её ладонь и сказал:

— Екатерина, вы мне очень симпатичны. Я предлагаю не просто работу. Я предлагаю вам жизнь, о которой вы мечтаете. Квартира в центре, возможность помочь детям, карьера. Всё, что вы захотите. Я готов дать вам это, если вы будете со мной.

Екатерина замерла. В его словах звучало искушение, которое могло бы сломать любого. Она представила себе: квартиру, где не будет дырявых обоев, где Кира будет танцевать в просторной комнате, где Саша сможет учиться в престижном лицее. Ей стало душно.

Но в этот момент перед глазами всплыло лицо Романа — его усталый, но любящий взгляд, его руки, которые держали её в ту холодную ночь на раскладушке. Его обещание: «Мы справимся».

Она мягко, но твёрдо убрала его руку.

— Андрей Борисович, я замужем. И я люблю своего мужа. Я пришла на работу, а не на свидание. Если у вас есть деловое предложение, я готова его обсудить. Всё остальное — нет.

Андрей Борисович улыбнулся, но его глаза стали холодными.

— Жаль, — сказал он. — Я не привык к отказам. Но работа остаётся в силе, если вы передумаете.

Она встала и ушла, чувствуя, как дрожат колени. На улице она выдохнула и, достав телефон, набрала Романа.

— Ром, я домой. Я всё тебе расскажу.

Она рассказала ему всё. Он выслушал, побледнел, сжал кулаки, но потом обнял её.

— Ты сильная, — прошептал он. — Ты — моя гордость.

— Ты не злишься? — спросила она.

— Злюсь, но не на тебя. На этого типа. Но мы не дадим ему испортить нашу семью.

Странное предложение для Романа

Почти в то же время Роман столкнулся с соблазном. В автосервисе появился клиент — солидный мужчина лет пятидесяти, с золотым браслетом и уверенными жестами. Он заметил, как Роман ловко ремонтирует старый «Мерседес», и попросил поговорить наедине.

— Я — **Аркадий Владимирович**, владелец сети автосалонов. У меня есть предложение, от которого вы не сможете отказаться. Я ищу управляющего — человека с руками и головой. Я вижу, что вы — профессионал. За работу я дам в пять раз больше, чем вы получаете здесь. И жильё в служебной квартире.

Роман почувствовал, как внутри загорается надежда. Но Аркадий Владимирович добавил:

— Есть одно условие. Вы будете работать не официально, на доверии. Это сэкономит нам налоги. Но я гарантирую, что вы не прогадаете.

Роман насторожился. Он знал, что так бывает: сначала обещают золотые горы, а потом обвиняют и оставляют без ничего. Он вспомнил, как его уволили с завода, как китайские комплектующие вытеснили их производство. Он понял, что не готов рисковать по второму разу.

— Спасибо за предложение, Аркадий Владимирович, — сказал он вежливо, — но я не могу работать без официального оформления. Я отвечаю за семью, мне нужны гарантии.

Аркадий Владимирович удивлённо поднял бровь.

— Вы отказываетесь от таких денег?

— Да, — твёрдо ответил Роман. — Я ищу честный труд, а не риск.

Клиент пожал плечами и уехал. Роман остался стоять у ворот автосервиса, чувствуя, что только что прошёл проверку на прочность.

Схватка у дома

В тот же вечер, когда Роман возвращался домой, у подъезда его ждал незнакомец — высокий, плотный, с агрессивным выражением лица. Это был тот самый Андрей Борисович, который приглашал Екатерину.

— Ты муж Кати? — спросил он, перегораживая дорогу.

— Да, — ответил Роман, напрягаясь.

— Я хочу тебя предупредить. Твоя жена получила хорошее предложение. Если она откажется, у тебя могут быть проблемы. Я не привык, чтобы мне отказывали.

Роман почувствовал, как в груди закипает ярость, но он взял себя в руки.

— Это была её работа, а не предложение, — сказал он холодно. — И если ты ещё раз подойдёшь к моей семье, я не отвечаю за последствия.

Андрей усмехнулся и сделал шаг вперёд, замахнувшись. Роман не стал ждать — он мгновенно блокировал удар и провёл приём, которому научился в армии. Андрей отлетел к стене и упал, а Роман навис над ним.

— Предупреждение было последним, — прорычал Роман. — Исчезни, иначе я вызову полицию и расскажу всё о твоём предложении моей жене. Ты не захочешь этого огласки.

Андрей поднялся, отряхнулся и, бросив злобный взгляд, ушёл в темноту.

Роман долго стоял на месте, переводя дыхание. Потом поднялся домой. Екатерина встретила его, увидела синяк на руке и побледнела.

— Что случилось? — ахнула она.

Он обнял её и рассказал всё. Она слушала, прижимаясь к нему, и вдруг поняла, что её муж — не просто надёжный, а настоящий защитник, способный постоять за свою семью.

— Ты мой герой, — прошептала она, целуя его в губы. — Я так тебя люблю.

Они стояли, обнявшись, а за окном зажигались огни Москвы. В эту ночь они любили друг друга с особенной страстью, как будто подтверждая, что ничто не сломает их союз.

Новая надежда

На следующий день Екатерина получила звонок из кадетского училища. Её приняли — Киру зачислили на хореографическое отделение. Радость была безграничной. А Роману начальник автосервиса, узнав о его честности и принципах, предложил должность старшего мастера с официальным оформлением и хорошей зарплатой.

Жизнь налаживалась. Искушения были преодолены, интриги разрушены, и они остались вместе, сильнее, чем когда-либо.

Первый взгляд, растворённый во времени

Роман стоял у проходной завода, нервно теребя ключи от старого, но ухоженного «Фольксвагена». Он чувствовал себя мальчишкой. Чёрт возьми, ему было под сорок, он повидал виды, работал наладчиком на сложных станках, чинил дома проводку и мог починить любой велосипед за пять минут, но сейчас его руки дрожали.

Он увидел её. Она выходила из проходной, и ветер играл с её каштановыми волосами, выбивающимися из небрежно собранного пучка. На ней было лёгкое бежевое пальто, которое делало её хрупкой и бесконечно красивой. Роман выдохнул. Он помнил её такой же, но тогда, в 2014 году, на ней была зеленая роба, а на наклейках велосипедов, которые она клеила, был изображён дракон. Он часто смотрел на неё издалека, когда ходил за деталями. Она никогда не поднимала глаз. А он был слишком горд, чтобы подойти.

— Екатерина, — сказал он, чуть охрипшим голосом. — Привет.

— Здравствуй, Роман, — улыбнулась она, и от этой улыбки у него перехватило дыхание. — Куда мы едем?

— Я знаю одно место. За городом. Но оно не для слабонервных, — подмигнул он. — Там грязь, но если подняться на холм...

— Поехали, — перебила она. — Я люблю высоту.

Они ехали молча. В салоне играла тихая музыка, пахло кожей и его одеколоном, смешанным с едва уловимым запахом машинного масла, который, казалось, въелся в его кожу навечно. Екатерина смотрела в окно. Город заканчивался, уступая место бесконечным полям, которые уже начали зеленеть. Небо, наконец, разорвало тучи, и лучи солнца упали на землю, как божественные стрелы.

— Я знаю, ты думаешь, что это глупо, — вдруг сказал он, не поворачивая головы. — Я знаю, ты не веришь. Но я смотрел на тебя тогда, в цехе. Ты стояла у конвейера, такая вся... настоящая. Я хотел подойти, но ты была как свет. А я боялся обжечься.

Екатерина удивлённо повернулась к нему. Он говорил о 2014 году. Восемь лет. Восемь лет он помнил её у конвейера.

— Ты шутишь? — тихо спросила она.

— Я никогда не шучу о том, что помню, — ответил он, сворачивая на просёлочную дорогу. — Я ушёл в 22-м, потому что понял: ты на меня не смотришь, и мне больно. Я думал, забуду. Думал, найдётся другая. Не нашлась. А когда вернулся в 25-м и увидел тебя в новом цехе... я понял, что судьба даёт мне второй шанс. Я не хочу его упустить.

Он остановил машину на поляне, окружённой высокими соснами. Впереди, сквозь ветви, открывался вид на старую усадьбу. Гранитные ступени, поросшие мхом, вели к огромному пруду, в котором отражалось небо. Воздух здесь был пропитан запахом молодых листьев и влажной земли.

Они вышли из машины. Тишина была оглушительной. Роман протянул ей руку, помогая обойти лужу. Его пальцы были шершавыми, сильными, и когда они коснулись её ладони, Екатерина почувствовала электрический разряд. Она подняла на него глаза. Он был высоким, широкоплечим, с тёмными волосами, тронутыми ранней сединой, и с серыми глазами, в которых читалась такая нежность, что у неё защемило в носу.

— Я не знаю, — прошептала она. — Я так давно не чувствовала ничего. Я боюсь. Мне кажется, что это сон.

— Это не сон, — ответил он, аккуратно притягивая её к себе за талию. Они стояли на краю поляны, и ветер шевелил её волосы. — Смотри, Кать.

Он указал рукой вдаль. За прудом, на холме, расцвели первые дикие ирисы. Их синие лепестки горели на солнце, как драгоценные камни. И в этот момент Екатерина почувствовала, как лёд внутри неё начал таять.

— Ты помнишь, что я клеила тогда? — спросила она шёпотом, уткнувшись носом в его плечо.

— Драконов, — улыбнулся он. — Красных драконов на чёрных велосипедах. Я думал, что ты сама похожа на ту драконицу, которая стережёт сокровище. И я хочу быть этим сокровищем.

Она засмеялась — звонко, по-девичьи, откинув голову назад. Солнце освещало её лицо, делая кожу золотистой. Роман наклонился к ней. Ей показалось, что время остановилось. Она слышала, как бьётся его сердце — громко, надрывно, в унисон с ней.

— Я не верю в любовь, — снова повторила она, но слова уже не звучали убедительно.

— А ты просто закрой глаза, — попросил он.

Она закрыла. Он провёл пальцем по её скуле, спустился к подбородку и чуть приподнял его. Её дыхание сбилось. Она чувствовала его тепло, его запах, его желание, которое он так долго сдерживал.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Это ветер.

— Это не ветер. Это я.

И он поцеловал её. Это был не страстный, грубый поцелуй. Это было прикосновение губ, мягкое, как лепесток ириса, и в то же время обжигающее, как пламя. Роман целовал её с благоговением, осторожно, будто она была хрустальной. Он держал её за талию, прижимая к себе, и она почувствовала, как силой обхватила его шею руками, вплетая пальцы в его волосы.

Вокруг них кружились первые майские жуки, и где-то высоко в небе пел жаворонок. Ветер нёс запах пылицы и свежести. Екатерина почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Она не знала, от счастья это или от боли, отпущенной, наконец.

Он отстранился, улыбаясь, и вытер её слезу большим пальцем.

— Ты плачешь?

— Это от того, что я боялась упустить тебя, — выдохнула она. — Восемь лет, Ром. Мы потеряли восемь лет.

— Нет, — серьёзно сказал он, беря её лицо в ладони. — Мы не потеряли. Мы копили силы. Мы ждали, пока станем теми, кто сможет это выдержать. Теперь мы выдержим всё. Я обещаю тебе, Кать. Я не уйду снова. Никогда.

Она прижалась к нему, пряча лицо на его груди. Она чувствовала его тепло, его надёжность, его плечи, за которыми хотелось спрятаться от всех бурь. В этот момент она поняла, что это он. Тот человек, который будет рядом даже тогда, когда мир рухнет.

Утро после близости и тепла

Вечер они встретили уже в городе, в маленьком кафе, где пахло свежей выпечкой и корицей. Они сидели в углу, держась за руки, не в силах оторваться друг от друга. Когда кафе закрылось, Роман предложил погулять по набережной. Ночь была тёплой и звёздной, а фонари отражались в воде, создавая иллюзию тысячи лун.

— Я хочу, чтобы это никогда не кончалось, — сказала Екатерина, глядя на звёзды.

— Это только начало, — ответил Роман, и в его голосе звучала твёрдая уверенность. Он остановился, развернул её к себе лицом, и его руки скользнули по её плечам, спускаясь всё ниже, пока не обхватили её талию и не притянули вплотную. — Я хочу знать каждую твою родинку, каждую улыбку, каждую морщинку у глаз. Я хочу просыпаться и видеть тебя. Не рядом, нет. А с собой.

Екатерина не выдержала. Она сама потянулась к нему, и их губы встретились снова. Но теперь это было иначе. В этом поцелуе была страсть, накопленная за годы. Он жадно впивался в её губы, его руки скользнули под её пальто, поглаживая спину через тонкую блузку. Она выгнулась, чувствуя его силу, его натиск. Вокруг никого не было, только плеск воды да далёкий гудок теплохода.

— Поехали ко мне, — прошептал он, отрываясь от неё и тяжело дыша. — Я не могу отпустить тебя сегодня. Пожалуйста.

Она посмотрела в его глаза. В них было столько желания и одновременно робости, что она не смогла отказать.

Квартира Романа была мужской, но уютной. Книжки, натюрморты на стенах, большой мягкий диван. Они вошли, и он сразу же прижал её к двери, целуя в шею, спускаясь вниз к ключицам. Она запрокинула голову, издав тихий стон. Его руки были везде — они расстегивали пуговицы её пальто, снимали с плеч шарф. Он был нежным, но настойчивым.

— Я хочу тебя, — прорычал он ей в ухо. — Всю. Сегодня, завтра и всегда.

Они оказались в спальне. Лунный свет струился сквозь жалюзи, рисуя полосы на простынях. Роман уложил её на постель, нависнув сверху, и посмотрел на неё, словно она была произведением искусства. Он медленно расстегнул её блузку, покрывая поцелуями каждый открытый участок кожи. Екатерина дрожала — от холода, от страсти, от счастья. Её руки блуждали по его спине, чувствуя каждый мускул.

— Ты так красива, — шептал он, касаясь губами её груди. — Ты не представляешь, как долго я ждал этого.

Он был нежен, как никто до него. Каждое прикосновение было пропитано смыслом. Он не спешил, он наслаждался. Когда их тела, наконец, соединились, Екатерина выдохнула, вцепляясь в его плечи. В этот момент мир перестал существовать. Были только они, их дыхание, их сердца, стучащие в унисон.

Утром она проснулась от того, что он гладил её по волосам и смотрел на неё с улыбкой.

— Доброе утро, моя драконица, — сказал он.

Она покраснела, уткнувшись в подушку. Он засмеялся, притягивая её к себе, и поцеловал в макушку.

— Никогда не прячься от меня, — прошептал он. — Теперь ты моя, и я сделаю всё, чтобы ты была счастлива.

Интриги завода

Но счастье, как и любая красота, имеет тень. Через неделю их отношений на заводе начали шептаться. Особенно бурно реагировала начальница смены в цехе Литья и пластмасс — Светлана Павловна, женщина властная и одинокая, которая всегда косилась на Романа с нескрываемым интересом. Она не выносила, когда кто-то из «её» цеха был счастлив.

Однажды утром, когда Екатерина подошла к станку, она услышала за спиной холодный голос:

— А вы, голубушка, поосторожнее. Роман-то наш... он мужик видный, но бабник, говорят. Вон, говорят, в прошлый раз наладчицей из соседнего цеха интересовался. Пока ты тут ирисы нюхаешь, он может и на сторону смотреть.

Екатерина сжала губы. Она знала, что это ложь. Но в душу закрался червячок сомнения. Она вспомнила прошлые отношения, предательство, боль. А что, если Светлана права?

Вечером Роман заметил, что она отстранённая. Они сидели в его машине на привычном месте у пруда, но она не смотрела на него.

— Что случилось? — спросил он, трогая её за подбородок.

— Светлана Павловна сказала... — начала она, но Роман перебил:

— Светлана Павловна завидует. Она тебе наговорила? — Его глаза потемнели. — Катя, посмотри на меня. Я восемь лет ждал тебя. Единственная женщина, с которой я разговаривал на заводе до тебя, это бабушка Зина, которая чай разносит. И то я ей только «спасибо» говорил.

Он схватил её за руку и приложил к своей груди, к сердцу.

— Чувствуешь? Это бьётся ради тебя. Не слушай их. Наша история только начинается, и никто не посмеет её испортить.

Она вздохнула, расслабилась, положив голову ему на плечо. Закат разливал по небу алые и золотые тона, и в этом свете его лицо казалось высеченным из камня — мужественным и честным.

— Я верю тебе, — прошептала она. — Только если ты предашь, я не переживу.

— Тогда я буду жить вечно, — улыбнулся он, — потому что предать тебя — значит предать самого себя.

Тайна старого фонтана

Неделя прошла в сладком тумане. Каждое утро Екатерина просыпалась с мыслью о нём, и первое, что она видела, — солнечный луч, просачивающийся сквозь занавески, который напоминал ей о свете его глаз. На заводе любое его прикосновение — случайное, мимолётное, когда он поправлял деталь на её станке или просто проходил мимо, касаясь плеча, — согревало её до кончиков пальцев. Она начала улыбаться. Настоящей улыбкой, которую коллеги не видели в ней уже много лет. Даже тётя Зина, разносившая чай, заметила:

— Катюша, ты вся светишься. Неужто влюбилась?

Екатерина краснела, но внутри разливалось тепло. Она чувствовала себя девчонкой, забывшей о бывших разочарованиях. Роман тоже изменился — он стал чаще улыбаться, его голос, обычно сухой и деловой, теперь звучал мягче, когда он обращался к ней. Они переглядывались через весь цех, и эти взгляды были их тайным языком.

Но Светлана Павловна не спала. Она сидела в своей стеклянной клетке-кабинете, наблюдая, как Роман протягивает Екатерине кружку с чаем. Её глаза сузились, пальцы нервно барабанили по столу. Она ненавидела это. Ненавидела их счастье, которое било в глаза ярче сварочного аппарата в соседнем цехе. Она уже давно не чувствовала ничего подобного, и чужая радость была для неё как соль на рану.

— Ну-ну, голубки, — прошипела она, накручивая на палец седую прядь. — Посмотрим, как вы запоёте, когда я достану своё маленькое «досье».

Светлана Павловна была хранительницей всех заводских тайн. В её столе, в запёртом ящике, лежали копии приказов, старые фото с корпоративов и, самое главное, выписки из личных дел, которые никто не должен был видеть. Она давно копалась в прошлом Романа — с тех пор, как он отказал ей в танце пять лет назад на новогоднем корпоративе. Тогда она пообещала себе: проучить наглеца. И вот теперь, когда он стал счастлив, она решила, что настал час «Х». Она перелистала старую папку, и её пальцы замерли на двух документах: увольнение 2022 года за порчу оборудования и судебный иск 2020 года от бывшей сожительницы о побоях. Она злорадно улыбнулась: «Этого достаточно, чтобы разрушить их идиллию».

В тот же вечер, когда Екатерина вернулась домой в свою маленькую квартиру, она нашла в почтовом ящике белый конверт без обратного адреса. Сердце ёкнуло. Она открыла его дрожащими руками и увидела распечатки — те самые документы. На грубой бумаге чёрным по белому было напечатано: «Роман С. — иск о побоях, 2020 г.» и «Увольнение за халатность, 2022 г.». Екатерина смотрела на эти строки, и мир вокруг неё начал рушиться. Её руки дрожали, перед глазами поплыли круги.

«Не может быть, — стучало в висках. — Он не такой. Он не мог... Он же так нежно целовал меня, он смотрел на меня с такой теплотой... Он не мог ударить женщину». Она вспомнила, как Роман рассказывал о своей прошлой жизни, но никогда не говорил о судах. «Выходит, он врал мне?» — её сердце сжималось от боли, похожей на ту, что она пережила после развода с первым мужем. Она хотела позвонить ему, но вместо этого отключила телефон и просидела в ванной до полуночи, глядя в одну точку на плитке. Слёзы душили её, и она не могла остановиться. Она чувствовала себя преданной, обманутой, использованной. Как тогда, когда бывший муж ушёл к другой, оставив её с маленьким Сашей на руках. Она закрыла глаза и прошептала: «Почему? Почему опять?».

А Роман в это время метался по городу. Он приехал к её дому, увидел свет в окне, позвонил раз, два, десять раз — но абонент был недоступен. Он чувствовал беду нутром, словно кто-то сжал его внутренности стальной рукой. Он знал, что запахло интригой. Он простоял под её окнами до трёх утра, пока не начало светать, и видел, как в её окне мерцал свет, но она не выходила. На душе было тревожно, и он проклинал себя за то, что не рассказал ей всё заранее.

На следующее утро он нашёл её в цехе. Она стояла у станка, бледная, с красными глазами, и не смотрела на него. Когда он подошёл, она отшатнулась, будто он был чужим. Он схватил её за локоть и вывел в коридор, где было тихо.

— Катя, что случилось? Ты не брала трубку! — его голос дрожал от волнения. Он видел, что она плакала, и это разрывало ему сердце.

Она вырвала руку и выдернула из кармана те распечатки. Её голос срывался на крик:

— Что это такое, Роман?! Ты бил женщин?! Тебя уволили за халатность?! Зачем ты врал мне? Я поверила тебе! Я открыла тебе душу!

Роман побледнел, как полотно. Он посмотрел на бумаги и сразу всё понял. Светлана. Сука. Он сжал кулаки, но не от злости — от боли. Он знал, что эти документы — грязная ложь, но Екатерина не знала. Он посмотрел ей прямо в глаза и сказал очень тихо, но твёрдо:

— Катя. Ты знаешь, как я выгляжу в гневе? Ты видела хоть раз, чтобы я повысил голос? Я — человек, который восемь лет молчал, глядя на тебя. Я не бил ту женщину. Она была больна, наркоманка. Она оговорила всех, включая меня. А уволили меня не за халатность — я сломал станок, потому что он мог убить человека, и начальник прикрывал свою халатность. Я ушёл, чтобы не садиться. Но я не вор, не насильник и не предатель.

Его глаза наполнились слезами — впервые Екатерина видела, что этот сильный, надёжный мужчина плачет. Он продолжил:

— Если ты мне не веришь, пойдём со мной. Я отвезу тебя к той женщине. Она сейчас в реабилитационном центре, мы друзья. Она всем расскажет правду. Я ничего не скрывал, кроме своей боли. Я не хотел, чтобы ты знала о грязи моей прошлой жизни. Я хотел быть для тебя чистым.

Екатерина смотрела на него, и в душе шла борьба. Она вспомнила, как он держал её за руку, как он целовал её у фонтана, как он сказал: «Я буду жить вечно, чтобы не предать тебя». И она поняла — её сердце знает правду. Бумаги лгут. А его глаза — нет.

Она шагнула к нему, уронила голову ему на грудь и разрыдалась.

— Прости меня, — прошептала она. — Я испугалась. Я такая дура...

— Ты не дура, — ответил он, обнимая её и целуя в макушку. — Ты человек. Ты имеешь право сомневаться. Но знай: я докажу тебе всё. Сегодня вечером мы поедем к Людмиле. Она расскажет тебе всю правду. А потом... потом я хочу отвезти тебя в одно место. Там, где я хотел сделать тебе предложение, но боялся, что ты откажешь.

Она подняла заплаканные глаза и улыбнулась сквозь слёзы.

— Предложение? Ром, мы знакомы два месяца...

— Мы знакомы восемь лет, — поправил он. — Я просто ждал, когда ты будешь готова.

Вечером они поехали в реабилитационный центр, расположенный в тихом пригороде. Людмила оказалась хрупкой женщиной с добрыми, но уставшими глазами. Она подтвердила каждое слово Романа: она действительно была зависимой, и тогда наговорила на него, потому что злилась на весь мир. Сейчас она была чиста и очень сожалела.

— Катя, он спас меня, — сказала Людмила. — Он ночевал у меня в больнице, когда никто не приходил. Он — золото. Не верь тому, что говорят злые люди.

Екатерина вышла из центра с облегчённым сердцем. Она больше не сомневалась. Когда они сели в машину, Роман взял её за руку и сказал:

— Теперь я хочу показать тебе то место.

Он повёз её в парк, который находился на окраине города. Там, среди старых дубов и лип, стоял заброшенный фонтан. Фонтан был выключен, но при свете полной луны его каменные чаши казались серебряными. Вокруг было тихо, только ветер шумел в листве и где-то вдалеке лаяла собака.

Роман достал из кармана маленькую бархатную коробочку и встал на одно колено.

— Катя, я не умею говорить красиво, но я люблю тебя. Я люблю тебя все эти восемь лет, даже когда мы работали в разных цехах. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Не для отчёта, не для родителей. А чтобы я просыпался и знал, что ты — моя. Что я могу защищать тебя от всех Светлан Павловн. Ты согласна?

Екатерина закрыла рот ладонью, чтобы не закричать от счастья. Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он надел на её палец кольцо с маленьким сапфиром, таким же синим, как ирисы на той поляне, где они впервые поцеловались.

Она бросилась к нему, обняла, и он поднял её на руки, закружил. Вокруг, словно по волшебству, зажглись светлячки, и казалось, что сама природа празднует их союз.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — Люблю больше всего на свете.

— А я тебя, — ответил он, целуя её в шею. — Поедем ко мне. Я хочу, чтобы эта ночь была нашей. Никаких сомнений, никаких бумаг. Только мы.

Она кивнула, и они поехали в его квартиру. Там, в уютной комнате, где пахло деревом и его одеколоном, он снял с неё пальто, расстегнул пуговицы её блузки, целуя каждый сантиметр кожи. Екатерина чувствовала, как её тело откликается на каждое его прикосновение, как уходят все страхи, оставляя место только доверию и желанию. Его руки были нежными, но настойчивыми, и она таяла в них, забывая о прошлых обидах.

Он уложил её на постель, и в лунном свете, просачивающемся сквозь шторы, они стали единым целым. Она отдавалась ему без остатка, чувствуя, как он наполняет её не только телом,

но и душой. Каждый его вздох, каждый шёпот «я люблю тебя» проникал в самые глубокие уголки её сердца. Она стонала от наслаждения, впиваясь пальцами в его спину, и знала: этот мужчина никогда не причинит ей боли.

Когда всё стихло, они лежали, обнявшись, укрытые одним одеялом. Екатерина положила голову ему на грудь и слушала, как бьётся его сердце.

— Ты слышишь? — прошептала она. — Оно стучит в такт с моим.

— Потому что мы одно целое, — ответил он, целуя её в макушку. — Навсегда.

Она улыбнулась и закрыла глаза, зная, что наконец-то нашла свой дом. И этот дом — не стены, не адрес, а его руки, его губы, его любовь.

Вечер у фонтана. Истина и первое «ДА»

Вечером они поехали в реабилитационный центр, находившийся в двух часах езды. Людмила оказалась хрупкой, бледной женщиной с добрыми глазами. Она подтвердила всё, что сказал Роман: она была в зависимом состоянии, тогда наговорила на него, потому что была зла на весь мир. Сейчас она была чиста и очень сожалела.

— Катя, он спас меня, — сказала Людмила. — Он ночевал у меня в больнице, когда никто не приходил. Он — золото. Не верь тому, что говорят злые люди.

Екатерина вышла из центра, дыша полной грудью. Чистый воздух свободы и правды наполнил её лёгкие.

Роман привёз её к тому самому месту — это был Старый парк с тысячелетними дубами. В центре парка бил фонтан, который был выключен, но при свете полной луны он казался хрустальным замком. Они сели на скамейку, и Роман достал маленькую коробочку, которую носил в кармане куртки все эти две недели, дожидаясь момента.

— Катя, — начал он, вставая на одно колено. Луна освещала его лицо, делая его почти божественным. — Я знаю, что мы ещё не прожили вместе и года, но я люблю тебя столько, сколько живёт этот дуб. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Не для галочки, не для штампов. А чтобы я мог просыпаться и знать, что ты — моя. Чтобы я мог защищать тебя от всех Светлан Павловн этого мира. Ты согласна стать моей драконицей навсегда?

В коробочке лежало кольцо с маленьким сапфиром, таким же синим, как ирисы на той поляне, где они целовались впервые.

Екатерина прикрыла рот ладонью и заплакала — теперь уже от счастья.

— Да, — прошептала она. — Да-да-да!

Он надел кольцо на её палец, и оно засияло в лунном свете. Он поднялся, обнял её, поднял на руки и закружил. Вокруг них, словно в сказке, зажглись светлячки, будто природа сама праздновала этот момент. Он поставил её на ноги и поцеловал так страстно, так крепко, что у неё перехватило дыхание. Его руки скользили по её телу, прижимая к себе, и она чувствовала, как он дрожит от счастья.

— Я люблю тебя, Екатерина, — сказал он, отрываясь от её губ. — Я буду любить тебя всегда. Даже когда мы состаримся, и вместо волос у нас будет седина, я буду целовать твои морщинки.

Она засмеялась и, взяв его за руку, потащила к фонтану.

— Ром, а ты знаешь, что в этом фонтане исполняются желания? Брось монетку.

Он достал монетку, загадал желание и бросил. Монетка блеснула в воздухе и упала в сухую чашу фонтана.

— Что загадал? — спросила она.

— Чтобы счастье наше было вечным. И чтобы этот чёртов завод не разрушил нас.

Они стояли, обнявшись, под звёздами, и ни Светлана Павловна, ни грязные бумаги, ни прошлое — ничто не могло их коснуться. Впереди была жизнь. Долгая, счастливая и прекрасная.

Танец у фонтана и прощение врага

Свадьба была назначена на начало июля. То самое место — поляна у старого пруда, где они впервые поцеловались, — преобразилось до неузнаваемости. Белые тенты, словно паруса кораблей, колыхались на ветру. Между дубами развесили гирлянды тёплого света, а дорожку к импровизированному алтарю усыпали лепестками синих ирисов — в память о том майском дне.

Екатерина стояла перед зеркалом в небольшом домике лесника, который они сняли для сборов. Платье было простым, но элегантным: лёгкий шёлк, открытые плечи и длинный шлейф, расшитый мелким жемчугом. Она смотрела на себя и не узнавала. В глазах горел огонь, на губах играла счастливая улыбка, а на пальце уже красовалось то самое сапфировое кольцо. Рядом с ней сустились подружки — две её коллеги с завода, которые искренне радовались за неё.

— Ну, ты даёшь, Катя! — щебетала одна из них, Маринка. — Выходишь замуж за самого красивого наладчика! А этот его танец... ты видела, как он на тебя смотрит? Да он сейчас дверь выломает, лишь бы увидеть тебя.

Но Екатерина волновалась. Она знала, что на свадьбу приглашены почти все из цеха, кроме... Светланы Павловны. Та была в чёрном списке. Однако Екатерина чувствовала: что-то будет. Тишина перед бурей.

Кража невесты

Церемония прошла трогательно и красиво. Они обменялись кольцами под шелест листвы и пение птиц. Роман, в строгом тёмно-синем костюме, выглядел так мужественно, что у Екатерины подкашивались колени. Когда он поцеловал её после слов «объявляю вас мужем и женой», гости взорвались аплодисментами, а в воздух взлетели бумажные голуби.

Но самый сюрприз ждал впереди.

Когда начался банкет за длинными столами, уставленными яствами, Екатерина отлучилась перевести дух в небольшую беседку у воды. И тут, словно из-под земли, выскочили трое её друзей-парней, которые работали в соседнем цехе. Они схватили её на руки, закрыли рот шёлковым платком и с хохотом потащили в сторону леса.

— Спасай невесту! — крикнул один из них Роману, который в этот момент разливал шампанское. — Выкуп! Или мы увозим её в город!

Роман опешил только на секунду. Затем его глаза хитро блеснули. Он отставил бокал, снял пиджак и вышел в центр поляны. Все гости затаили дыхание.

— Так, парни! — крикнул он, обращаясь к похитителям. — Выкуп будет! Но не деньгами! Я отдам вам самое дорогое, что у меня есть!

Он сделал знак тапёру — старому другу с гитарой. И вдруг... заиграла медленная, тягучая мелодия. Это была песня, которую он написал сам ночами, когда не мог спать, думая о Екатерине.

Роман начал танцевать.

Это был не просто танец. Это был язык его души. Он двигался пластично, нежно, словно описывая руками линии её тела. Он изображал, как держит её за талию, как кружит, как целует. Его движения были пронизаны такой страстью и такой тоской по ней, что у гостей перехватывало дыхание. Женщины начали всхлипывать. Мужчины притихли.

Он опустился на одно колено, протянул руки к беседке, где сидела Екатерина, и запел (да, он пел!):

«Ты — свет в моём окне,

Ты — тишина в огне.

Я восемь лет искал тебя,

Чтобы любить, не тая...»

Екатерина вырвалась из рук похитителей, сорвала платок с лица и, расправив шлейф, побежала к нему. Все расступились. Она упала в его объятия, и он подхватил её, закружил на руках под гром аплодисментов.

— Ты — чудо! — крикнула она ему на ухо. — Ты с ума сошёл? Ты же не умеешь танцевать!

— Для тебя — всё что угодно, — прошептал он, целуя её в шею. И под громкий смех гостей он закинул её себе на плечо и понёс обратно к столу, крича: — Невеста выкуплена! Моя! Навсегда!

Неожиданное появление

Только они сели за стол, как в воротах поляны показалась фигура. Это была Светлана Павловна. Она шла, опустив голову, в скромном сером платье и держала в руках букет тех самых синих ирисов.

Гости замерли. Роман напрягся, заслонив собой Екатерину.

Но Светлана подошла к ним, посмотрела в глаза Екатерине и вдруг... заплакала.

— Простите меня, — сказала она, и голос её дрожал. — Я — дура. Я старая, одинокая дура, которая ненавидела ваше счастье, потому что у самой его никогда не было. Я подложила те бумаги. Я хотела вас разлучить. Но когда я увидела сегодня, как ты, Роман, танцуешь... я поняла, что настоящая любовь не убивается грязными бумажками. Она сильнее. Простите. Позвольте мне остаться и радоваться за вас.

Екатерина сначала стояла с каменным лицом. Но потом она вспомнила слова Людмилы, вспомнила, как простила саму себя за свои ошибки. Она шагнула вперёд и обняла Светлану.

— Мы все совершаем ошибки, — тихо сказала она. — Оставайся. Сегодня день любви, а не вражды.

Роман удивлённо выдохнул, а затем пожал плечами, улыбнувшись. Он взял бокал и провозгласил тост за прощение. Светлана выпила и села в самый конец стола, утирая слёзы, но уже с улыбкой.

То самое известие

В самый разгар веселья, когда уже стемнело и зажглись гирлянды, Роман вдруг встал и попросил внимания.

— Я хочу сказать всем, кто здесь собрался, — громко объявил он. — Мы с Екатериной уходим с завода. Я нашёл новую работу — мастером в небольшом частном производстве, там меня ждут с радостью. Но это не главное. Главное — мы купили домик. Там, за лесом, в пяти минутах от этого пруда. Там будут наши утренние прогулки, наши вечера, наши дети и наша старость. Мы переезжаем сегодня ночью. Точнее, сейчас.

Гости ахнули, а Екатерина смотрела на него с восторгом и недоумением.

— Ты что, серьёзно? — спросила она.

Он кивнул и показал ключи:

— Этот дом — мой свадебный подарок тебе. Он маленький, но уютный. С камином, с террасой, с видом на воду. Я готовил его все эти недели, пока ты думала, что я задерживаюсь на работе.

Екатерина бросилась ему на шею, и все гости вскочили с криками «Горько!». Они целовались так долго и страстно, что даже самые заядлые скептики поверили в чудо.

Ночь в доме у пруда

Они уехали под утро, оставив гостей догуливать на поляне. Домик стоял на краю леса — старый, но отремонтированный, с резными ставнями и крыльцом, увитым диким виноградом. Роман внёс Екатерину на руках через порог.

— Осторожно, — прошептала она, смеясь. — Я же тяжёлая!

— Ты вешишь как пёрышко моей мечты, — ответил он, целуя её в лоб.

Он поставил её на пол посреди гостиной, где горел камин. Огонь играл на их лицах, отражаясь в зрачках. Он медленно, очень медленно начал расстёгивать пуговицы её свадебного платья, целуя каждый освободившийся участок кожи — плечи, ключицы, грудь. Екатерина запрокинула голову, ощущая, как его горячие губы и руки выжигают все сомнения, все обиды прошлого.

— Я люблю тебя, — шептал он, спуская платье вниз. — Ты — моя жена. Моя навсегда.

Она помогала ему снять пиджак, рубашку, касаясь пальцами его крепкой спины. В комнате было тихо, только трещали дрова и их прерывистое дыхание. Он подхватил её на руки и отнёс в спальню, где на огромной кровати лежали свежие белые простыни, усыпанные всё теми же ирисами.

Он бережно уложил её, нависнув сверху, и стал покрывать её тело поцелуями — от губ до кончиков пальцев ног. Она выгибалась ему навстречу, вплетая пальцы в его волосы.

— Ты моя любимая, навсегда, — прошептал он, заглядывая ей в глаза. — Никогда не бойся меня. Никогда не сомневайся во мне.

— Никогда, — выдохнула она, притягивая его к себе для поцелуя, который говорил больше, чем тысячи слов.

В эту ночь они слились в единое целое. Их страсть была не грубой, а трепетной — как первый раз, но уже с лёгкостью и доверием, которое приходит только к истинно родным душам. Каждый вздох, каждый стон, каждое движение были пропитаны благодарностью судьбе за то, что она свела их спустя восемь лет. Когда наступил рассвет, они лежали, обнявшись, укрытые одним одеялом, и сквозь щель в шторах пробивался луч солнца, касаясь их сплетённых рук.

Роман проснулся первым. Он посмотрел на спящую Екатерину, на её растрёпанные волосы, на лёгкую улыбку на губах, и понял: это и есть счастье. Не завод, не деньги, не интриги. А она. Только она.

Он поцеловал её в плечо, и она, не открывая глаз, прошептала:

— Доброе утро, муж.

— Доброе утро, жена, — ответил он. — Вставай. Наш дом ждёт нашего кофе, а пруд — нашего завтрака на террасе.

Она открыла глаза и улыбнулась ему так, что солнечный луч, казалось, потускнел от этой улыбки.

Утро в присах и кофе на двоих

Она проснулась от того, что солнечный луч, пробившись сквозь неплотно задернутую штору, поцеловал её веки. Екатерина открыла глаза и сначала не поняла, где находится. Пахло деревом, речной свежестью и... кофе. Этот запах, густой, терпкий, с ноткой корицы, был её личным будильником последние несколько недель.

Она повернула голову и встретила взглядом с Романом. Он сидел на краю кровати, уже одетый в мягкую домашнюю фланелевую рубашку, и держал в руках две кружки с дымящимся напитком. Его серые глаза светились такой нежностью, что у Екатерины перехватило дыхание. Рядом с ним на тумбочке лежала веточка сирени, которую он, видимо, сорвал на рассвете.

— Доброе утро, жена, — сказал он хрипловатым со сна голосом, протягивая ей кружку. — Твой кофе, как ты любишь, с корицей и с облачком пенки.

Она села, поправив сползшую тонкую ночную сорочку, и приняла кружку. Отпила глоток, чувствуя, как тепло разливается по телу, согревая не только желудок, но и душу.

— Ром, ты снова встал раньше меня, — улыбнулась она, пряча смущение. — Дай мне хотя бы привести себя в порядок.

Он наклонился и поцеловал её в висок.

— Ты прекрасна и без порядка. Но я тебя не тороплю. Сегодня суббота, у нас баня по традиции, — подмигнул он. — А пока я приготовлю завтрак. Омлет с зеленью и тосты, как ты любишь.

Он вышел из спальни, и Екатерина услышала, как на кухне зазвенела посуда. Она встала, подошла к зеркалу, которое висело на стене старинного комода. Её отражение улыбалось. Глаза блестели, щёки порозовели. Она провела пальцами по волосам, улыбнулась себе и начала наводить «красоту» — тот самый утренний ритуал, который делал её ещё увереннее. Она знала, что Роман любит смотреть на неё в этот момент, когда она, стоя у зеркала, не спеша наносит лёгкий макияж, расчёсывает волосы, перебирает украшения.

Когда она вышла на кухню, стол уже был накрыт. Роман стоял у плиты, ловко переворачивая омлет. В вазочке на столе стояли те самые синие ирисы, которые росли прямо у крыльца их домика. За окном заливался птичий гомон, а в приоткрытую дверь террасы влетал ветер, приносящий запах мокрой листвы и реки.

— Садись, — сказал он, ставя перед ней тарелку. — Сегодня у нас много дел. Надо съездить в Жуковку, проверить сад. Там, знаешь, розы уже начали зацветать, а смородина скоро поспеет.

Екатерина улыбнулась. Жуковка — это был старый дом Романа, который он унаследовал от родителей. Небольшой деревянный дом с зелёной крышей и огромным садом, где росли яблони, кусты крыжовника и, конечно, его гордость — небольшой, но уютный гараж, где он проводил часы, когда хотел побыть наедине с железом и мыслями.

— А ты не забыл, что вечером мы договорились на речку Подсолнух? — спросила она, жуя тост. — Я хочу пройтись по тому навесному мосту. Он такой красивый в закатных лучах.

— Я помню, — ответил Роман, подходя к ней и обнимая со спины. Его руки легли на её плечи, он поцеловал её в макушку. — Мы поедем на мотоцикле, и я покажу тебе тропинку, которую сам протоптал. Там, за мостом, есть поляна, где никогда нет людей. Только мы и небо.

Она откинула голову ему на плечо, закрыла глаза. В такие моменты она забывала обо всём на свете — о заводе, о бытовых проблемах, о переживаниях за дочь, которые жили где-то в глубине души. Кира, её старшая дочь от первого брака, сейчас жила в кадетском корпусе. Это был осознанный выбор девочки, которая с пяти лет занималась хореографией, была шустрой, как ртуть, и всегда стремилась к дисциплине, которую не могла дать обычная школа. И хотя Екатерина очень скучала по ней — каждое утро звонила, каждый вечер писала сообщения — она знала, что Кира там счастлива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.